

беседа первая

Владіслав Фрасынюк

Кароль Модзелевский о Фрасынюке:

Владислав родился в 1954 году, кажется во Вроцлаве, в рабочей семье. По окончании автотехникума работал водителем городского транспорта, автобуса, во Вроцлаве. Он рано включается в революционную деятельность (как похожи биографии революционеров!) и в августе 1980 года в возрасте 26 лет становится членом Межзаводского забастовочного комитета, входит в состав его президиума. В начале марта 1981 года, после того как прежний председатель Межзаводского забастовочного комитета «Солидарности» подал в отставку, Владислав был избран председателем «Солидарности» во Вроцлаве и во всей нижней Силезии. Это очень большой регион, и Фрасынюк становится значительной фигурой в движении, по своему масштабу сравним со Збигневом Буяком (Zbigniew Bujaк), лидером варшавской «Солидарности».

После съезда «Солидарности» в октябре 1981 года Фрасынюк стал членом президиума Краевой комиссии.

Во время введения в Польше военного положения 13 декабря 1981 года, Фрасынюк успел скрыться, вовремя сев на поезд из Познани во Вроцлав.¹ С тех пор он активнейший деятель подполья, где создает действующие структуры. Он является организатором всеобщей забастовки во Вроцлаве, которая длилась 4 или 5 дней. Он находится постоянно среди рабочих, которым всякий раз удается укрыть своего молодого лидера. Много раз он подвергался непосредственной опасности во время штурмов заводов с помощью танков войсками МВД.

О его неувязимости во Вроцлаве ходят легенды. Всё же он был арестован в октябре 1982 года, накануне формальной делегализации профсоюзов парламентом, и был приговорен к 6 годам заключения. Освобождён по июльской амнистии 1984 года, затем, в феврале 1985 года, вновь арестован и во время очень скандального процесса вместе с Адамом Михником и Богданом Лисом (Bogdan Jerzy Lis, 1952) осужден на три с половиной года.

Вновь освобожден по амнистии в сентябре 1986 года, когда стал меняться политический курс.

Фрасынюк всегда считался харизматическим лидером вроцлавской и нижнесилезской «Солидарности» и таковым остается по сей день. Он стал также членом Исполнительной общепольской Краевой комиссии «Солидарности».

На июньских 1989 года выборах решил не выставлять свою кандидатуру в государственные органы, считая, как и Лех Валенса, профсоюзную деятельность внепарламентской.²

* * *

Встреча с Владиславом Фрасынюком проходила 1-го сентября 1989 года во Вроцлаве в штаб-квартире областного комитета «Солидарности».

Валерий Писигин. Владислав, вам тридцать пять лет, вы уже давно возглавляете региональный комитет «Солидарности», тем не менее я рискну причислить вас к новому поколению лидеров польского рабочего движения. Необходимость прихода нового поколения в политику ощущается и у нас. Об этом часто говорят в нашей стране. Нам очень интересен ваш польский опыт. Откуда пришло ваше поколение?

Владислав Фрасынюк. Я отношусь к поколению августа 1980 года. Это та молодежь, которая в семидесятых годах заканчивала средние школы. Мы хорошо помним и 68-й, и 70-й годы, но, будучи детьми, мы не могли участвовать в событиях того времени и воспринимали их как приключение.³

Сам я происхожу из настоящей рабочей семьи, вырос в рабочем квартале. Для меня семидесятый год оказался переломным, так как в моей семье и вообще вокруг все говорили о событиях того времени, о переменах в политике, о замене Гомулки Гереком.⁴

В 1976 году, когда по стране прокатились мощные выступления рабочих, когда был настоящий бунт в Радоме и забастовки во Вроцлаве, я находился на службе в армии. Там я пережил период мобилизации армии для включения в ход событий. Я помню, что среди нас это привело к дискредитации политического руководства, хотя армейские политработники убеждали нас на всякий случай в обратном.

У меня среднее техническое образование. Вначале я работал водителем автобуса во Вроцлаве. В 1980 году, когда дело дошло до забастовок, в руководители забастовочных комитетов стали выбирать молодых людей, и это было характерным для Польши вообще. Конечно, избирали не просто молодых, а таких, у которых уже был за плечами опыт политической борьбы и которых старшее поколение считало профессионально пригодными к политической деятельности. Разумеется, надо было пользоваться авторитетом среди рабочих.

В.П. А какое значение для вас и вашего поколения имело старшее поколение, годящееся «в отцы», и были ли контакты с поколением еще более старшим? Каким образом они влияли на ваше формирование?

В.Ф. Во время забастовок многие из нас впервые узнали, что такое быть в оппозиции. Одним из самых значительных

событий и достижений 1980 года была консолидация всех общественных сил, в том числе интеллигенции, особенно из её академических кругов, с рабочими. Это очень сильно влияло на молодых людей, включая меня. Примерно 80 процентов возглавлявших забастовки были люди моего возраста. Поэтому для нас был очень важен контакт со старшим поколением, уже давно находившимся в оппозиции. От них можно было узнать правду об альтернативных движениях в стране, а также подлинную историю Польши.

Тогда же я узнал, что у каждого поколения есть свой багаж, который отягощает, мешает действовать. Самые старшие, участвовавшие в забастовках, всё время нас пугали своими воспоминаниями о голоде и лишениях; среднее поколение, то есть пятидесятилетние, пугали нас, рассказывая о событиях июня 1956 года: госбезопасность, допросы, побои...⁵ Были и представители поколения помоложе, которые участвовали в событиях семидесятого года и играли в них значительную роль, и они также рассказывали о побоях в милиции, о репрессиях. Все они уже не хотели рисковать и вновь выходить на передовую линию борьбы.

У моего поколения также имеется свой груз, свой балласт, который мешает нам в свободе действия. Этот груз мы обрели во время шестнадцатимесячного легального действия профсоюза, а также в подполье и тюрьмах.⁶ Этот балласт нам мешает, и я выступаю за то, чтобы смены поколений происходили чаще.

В.П. А молодое поколение приходит в ваше движение?

В.Ф. В последние годы, особенно в годы военного положения, молодежь не очень стремилась к независимой политической деятельности. И хотя сейчас уже всё легально, «Солидарность» по-прежнему ассоциируется с тем временем — с подпольем, с тюрьмами, с увольнениями с работы, с газами и

дубинками. Молодежь считает, что им гораздо легче убежать за границу, чем брать на себя ответственность и рисковать в борьбе за перемены в своей стране.

В.П. Но ситуация меняется. Сейчас, судя по тому, что говорят и пишут в нашей стране, «Солидарность» обрела своего премьера, подавляющее число мест в сенате, то есть попросту пришла к власти. Вы сейчас работаете в совершенно новых условиях. О вас пишут уже без того налёта неприязни и недоверия. У вас легальная печать, множество сочувствующих, причем не только в Польше.

В.Ф. А вы заметили радость по этому поводу на улицах?

В.П. В Варшаве — нет.

В.Ф. Люди, конечно, рады новому правительству, готовы поддерживать его, даже готовы воздерживаться от забастовок и собственноручно тушить их. Но вообще, у людей уже нет сил для веселья и энтузиазма.

В.П. Да, такие же проблемы стоят и перед нами, но их разрешение мне видится в устранении иждивенческой психологии у людей. Огосударствление общества, создание рабских условий существования порождают и рабскую психологию, доминантой которой является слово «Дай!». Я уже успел слышать это слово в Польше. Как и у нас, здесь говорят: «Дают то-то и то-то», — например, «дают» спички, мясо или одежду и так далее... Устранение иждивенческой психологии, в свою очередь, возможно только с обретением статуса свободного производителя, предпринимателя...

В.Ф. У нас несколько иное положение. У нас имелось шестнадцать месяцев свободы. Тогда люди очень активно включились в движение, в борьбу, в общественную деятельность. Тогда не было ни апатии, ни ожидания подачек «сверху». Люди почувствовали себя хозяевами на своих предприятиях. Они стали заботиться о модернизации производств, на ко-

торых трудились, искать возможности для рентабельности, что было бы выгодно и им самим, и государству. У людей было огромное чувство силы — и вдруг... 13 декабря! (*Введение военного положения — В.П.*) Оказалось, что всё это можно разом перечеркнуть, что милиция и армия могут остановить и повернуть вспять развитие общества, что, казалось бы, мощный десятимиллионный профсоюз — на деле совсем беззащитный.

Люди, конечно, знают, что никто свободы им не даст, что никто не модернизирует предприятия, никто, кроме них, не устранил господство номенклатуры. Но они не верят, что даже наличие наших товарищей в сейме или в сенате, принятие ими самых умных законов, что даже если у трудящихся появится возможность влиять на то, что происходит на госпредприятиях, и даже если Коммунистическая партия перестанет существовать, — люди всё равно не убеждены в том, что армия и милиция вновь не смогут это перечеркнуть.

В.П. Да, я это понимаю. Но не говорит ли о серьезных ошибках то, что десятимиллионный профсоюз, с такой активностью рабочего класса и вообще трудящихся, с поддержкой интеллигенции, общественности Польши, церкви, — оказался столь бессильным? Может, эти ошибки кроются в ошибочном понимании вопроса о власти, в современном понимании этого вопроса?

Если рабочие считают, что в их руках находятся предприятия, потому что они добились права избирать своих представителей в дирекцию и профком, если они могут избирать начальников цехов и отделов, если они добились того, что и профсоюзы в их руках и являются независимыми, свободными, самоуправляемыми, — то достаточно ли всего этого, чтобы действительно считаться хозяевами предприятий?

В.Ф. О, это вопрос на длинную дискуссию...

В 1980 и 1981 годах мы были в совершенно иных условиях, нежели теперь. Я думаю, единственной ошибкой, которую мы совершили, было чрезвычайно сильное убеждение в том, что в ПОРП (*Польская объединенная рабочая партия — В.П.*) произошло необратимое отделение аппарата от остальной партийной массы. Это убеждение основывалось на том, что в ПОРП стали возникать параллельные структуры, что многие члены ПОРП присоединялись к заводским комитетам и совместно с профсоюзами организовывали забастовки. Было убеждение, что эти процессы никто не сможет обратить. Но введение военного положения показало обратное.

У людей сегодня твердое убеждение, что свобода и энтузиазм на предприятиях — это еще далеко не всё. Должны быть правовые и прежде всего политические гарантии. У нас в последние годы уже мало кто сомневается в приоритете политических гарантий над правовыми и экономическими. Люди считают, что даже наш премьер, Тадеуш Мазовецкий, никакая не гарантия. Гарантией может служить только полное отделение армии и милиции от политики, вывод их из подчинения номенклатуре. Вот почему, когда какой-нибудь офицер или член ПОРП говорит, что армия не должна иметь своих представителей в сейме, что задача армии и милиции — служить своему народу, такие заявления волнуют людей больше, чем экономические законы.

В.П. Вы хотите, чтобы в стране Польша право было на стороне общества и чтобы солдаты и милиция никогда не использовались правительством для подавления выступлений трудящихся. Но вы ведь понимаете, что такие вопросы невозможно решить в сенате, сейме, правительстве... Это было бы большой иллюзией.

У нас, в Советском Союзе, сейчас также много разговоров о создании так называемого «правового государства». Это

довольно модные разговоры, и ими заняты многие интеллектуалы. Но я и мои товарищи считаем, что государство не может быть *неправовым*, ибо оно само — как институт — возникло для поддержания тех или иных норм права, им же предложенных, провозглашенных, внедренных... А право — это, в свою очередь, соотношение сил, то есть отражение этого соотношения в данной стране в данное историческое время. Хотите изменить право — измените соотношение сил. Тогда в соответствии с изменившимися нормами права изменится и государство. Изменение соотношения сил — это перераспределение собственности в пользу общества. Сеймы, сенаты, парламенты — важнейший, но всё же вспомогательный элемент, средство для такого перераспределения. Если вы своей борьбой перераспределили места в правительстве в свою сторону, то ведь это ещё не все. Далёко не все!..⁷

В связи с этим меня интересует деятельность трудящихся Вроцлава, помимо митингов и забастовок, выборов *хорошего* человека в сенат и такого же *хорошего* в лидеры «Солидарности». Но входит ли в такую деятельность работа по переходу в новые экономические отношения, работа по созданию альтернативной экономики, с тем чтобы люди имели выбор? Ведётся ли работа по политизации — то есть политическому обоснованию этой экономики? Так как, на мой взгляд, только мощный политэкономический блок сможет и у вас, и у нас принудить государство выполнять справедливые для общества законы, заставит государство быть ответственным перед обществом.⁸

В.Ф. У нас долгое время идет борьба за то, чтобы предприятия стали собственностью трудящихся, то есть тех, кто на них работает. Чтобы на тех из них, которые рентабельны, можно было развивать кооперацию или акционерные общества. В программе нашего профсоюза очень сильно подчеркнуты обобществление и кооперативизация предприятий. Более того,

несколько лет правящая партия через средства массовой информации призывает нас к обогащению, к открытию кооперативов, частных предприятий, предлагает для этого кредиты, выгодную налоговую политику и так далее, — но ничего из этого не получается.

В.П. Почему?!

В.Ф. Потому что остаются прежними экономические механизмы. Остаются старые кадры, система корпоративных связей, номенклатурные отношения... У нас есть законы, которые позволили ли бы кооперативам в Польше стать действительно кооперативами. У нас существует система, при которой кооперативы подчинены областному управлению, а в масштабе государства существует центральное объединение кооперативов. Ряд кооперативов объявили, что не будут подчиняться центру, согласно, впрочем, существующим законам, но они быстро обанкротились. Им мафия из центра ограничила доступ к ресурсам, кредитам, выгодным контрактам...

В.П. Да, мне всё это тоже знакомо...⁹ Но я хочу сказать вот что. У меня создалось впечатление, ещё дома, а здесь оно укрепилось, что движение «Солидарность», у руля которого стояло старшее поколение, продолжает опираться целиком на политическую сторону вопроса, не беспокоясь особенно за экономическую. В итоге, придя к власти формально, на деле «Солидарность» оказалась у пропасти.

В.Ф. Мы понимаем, что если так останется, то проиграют все. И Мазовецкий, и Валенса — все проиграют... И Польша, и Венгрия — все, пытающиеся изменить существующую систему. Потому что это страна рабов. Потому что у нас в высших учебных заведениях выпускают *старших экономистов*, а не просто экономистов. Потому что при экономических гарантиях нет гарантий политических. Люди западного капитала считают невыгодным инвестировать в Польшу. Они предлагают таких,

как я, и таких, как ты, взять на содержание, подобно своим безработным, и обучать их, как дестабилизировать социализм. Они ведь не могут заниматься благотворительностью. Они говорят, что если они вносят доллары, то должны иметь с этого прибыль. А какие мы можем дать им гарантии?

В.П. Они не только поэтому не инвестируют сюда. Они не вкладывают, понимая, что любой капитал будет здесь сожран за десять минут. Может быть, Запад и инвестировал бы в альтернативную экономику, укрепляя базу для создания гражданского общества, но такой организованной политэкономической силы, может, в Польше нет?

В.Ф. У нас альтернативной экономики гораздо больше, чем у вас, в Советском Союзе. Взять хотя бы крестьянское индивидуальное хозяйство. Оппозиционные экономисты давно нам говорили: «Оставьте политику, оставьте профсоюзы, сосредоточьтесь на альтернативной экономике...» Кто их первым поддержал? Партия! Они говорили нам: «Вот вам либеральная политика, развивайте альтернативную экономику, но никаких независимых профсоюзов! Пожалуйста! — говорили они. — Мы вам поможем...»

В.П. Но если руководство ПОРП, стоя перед трудностями, ввязывалось в сотрудничество, то, со своей стороны, может, было целесообразно пойти с ним на компромисс? Сегодня положение одно, а завтра оно изменится. Важен ведь не приоритет одного над другим, важен результат — сильная и стабильная Польша. У нас создалось положение, при котором интересы политического руководства — не всего, конечно, — совпадают с интересами широких слоёв трудящихся. Горбачёв призывает к развитию многоукладной экономики, но всегда говорит о руководящей роли партии; Рыжков (*тогдашний премьер-министр* — *В.П.*) ругает кооператоров, но выступает за развитие кооперативных банков. Если мы им скажем: «Ника-

ких компромиссов!» — откажемся от совместных действий, считая их только бюрократами и тому подобное, то будем дураками.

В.Ф. Мы тоже так считали. Но теперь иллюзий в таком сотрудничестве у нас нет. Я согласен с тобой на все сто. Но всё сложнее. Мы готовим людей, рабочих, к самоуправлению, к независимой деятельности. Государство говорило, что заинтересовано в развитии частной инициативы, в развитии кооперации, так как это стабилизирует общество, ситуацию в стране. Они рассчитывали, что люди пойдут на это и перестанут интересоваться политикой и властью. Но происходило как раз обратное. Люди брали магазины, рестораны, брали в аренду небольшие фабрики. При этом они обогащались, банкротились и так далее. В случае банкротства — поддерживали оппозицию. Обогатившись — уже меняли свою точку зрения.¹⁰ Все это зависело от постоянно меняющейся в пользу государства налоговой политики. Наконец все поняли, что *без перемены всей политической системы никакая стабильная экономическая деятельность невозможна.*

Я принадлежу к тем, кто любит приключения. Иначе я бы давно ушел из «Солидарности». Но что касается нынешнего положения, то я считаю, что рано брать в руки правительство. Нужно подождать, надо подготовить сознание поляков, кадры. Надо подготовить к этому Запад, его общественное мнение, подготовить независимые общественные банки, подготовить квалифицированных менеджеров...

В.П. Подготовить СССР, по-моему, самое главное...

В.Ф. ...Ну, это мы не можем.

В.П. Это мы должны делать вместе.

В.Ф. (*смеётся*). Разве что вместе. Но мы так мало знаем о Советском Союзе... Я считаю, что у правительства Мазовецкого нет шансов на экономические перемены, на преодоление у

людей социальной апатии и неверия в будущее, на прыжок в то, что ты называешь «альтернативной экономикой». Потому что это правительство отражает сегодняшнее соотношение политических сил, и решения этого правительства будут просто вектором этого соотношения.

В.П. Владислав, а где хранятся финансы «Солидарности»?

В.Ф. Часть в государственных банках. Часть в наших подземных сейфах.

В.П. То есть это не совсем деньги... Я хотел сказать, это не совсем *капитал*, точнее, не ваш *капитал*. Тот, что в банке,— работает не на «Солидарность», которая в этом случае является лишь формальным владельцем денег...

Кароль Модзелевский. За три дня до введения военного положения, в декабре 1981 года, у нас это был единственный район, где деньги успели «вынуть» из государственного банка и спрятать. Мы не думали, что дело дойдет до введения военного положения, но предполагали резкое обострение обстановки. В этом случае было мало шансов, что деньги нам отдадут, тем более, что позволят их обращать. Так что мы решили иметь их вне банка. Тогда их было восемьдесят миллионов злотых в год, и тогда это еще были деньги. Я помню, что была инфляция, и наш банкир Юзеф Пиниор (Józef Piniór), сейчас он председатель Польской социалистической партии революционных демократов (ППСРД), решил инвестировать и купил за семь миллионов злотых, кажется, теплицу. Это у нас очень прибыльное дело. Но об этих планах догадались органы и всё конфисковали. Так что как раз вкладывать деньги в дело очень опасно. Мы их потеряли. Правда, теперь их нам вернули.

В.П. А реально ли сегодня деньги «Солидарности» положить в альтернативный банк, скажем, в кооперативный? Имеется ли такой банк?

В.Ф. Мы думаем об этом.

В.П. Кроме того, банк замечателен еще и другим. Это совершенно уникальный механизм для экономической связки как отдельных людей, так и целых слоёв. «Солидарность» могла бы воспользоваться этим механизмом, объединив таким образом демократические слои, поддерживающие её. Вкладчики всегда заинтересованы в сохранении стабильности, ну и, конечно, в сохранении банка, в котором хранят деньги. Экономическая связка не слабее идеологической. Кроме того, банк — это и кредитор: как коммерческое предприятие, он может содействовать развитию социальных, научных и иных программ.

В.Ф. Но не должно быть никаких иллюзий относительно того, что один декрет президента не сможет всё это нейтрализовать, и тогда банк окажется закрытым.

В.П. Это окажется делом сложным, если банк вберёт в себя не просто вклады отдельных людей, но и целых слоёв, то есть затронет интересы очень многих, всю систему, с которой так или иначе связан банк. И надо стремиться как можно скорее сделать эту систему как можно более широкой. Это поважнее, чем сотрудничество с Западом. Это первостепенная задача банка, обслуживающего политическую структуру. Банк нужен как ёмкость для фундамента гражданского общества, как механизм для «перекачки» капитала, как связующая ткань демократических сил. Поскольку такие банки есть в СССР, то, наверное, можно было бы сотрудничать. Будущее Польши, вы же понимаете, во многом зависит от политической конъюнктуры в нашей стране, а она, в свою очередь, зависит от оформления у нас демократического слоя, способного материализовать идеи рыночной экономики, идеи *перестройки*. Словом, если нам вместе выходить из кризиса, то надо искать пути.¹¹

У нас на КамАЗе, а это крупнейший автомобильный завод, происходят тоже очень важные процессы, во главе кото-

рых всё чаще выступают сами рабочие. Они хотят перейти на аренду, выступают за самоуправление, самофинансирование, они создают свои рабочие комитеты, причём под эгидой профсоюзов. И им очень важен опыт «Солидарности», с тем чтобы учесть ошибки и унаследовать достижения. Они заинтересованы в сотрудничестве.¹²

В.Ф. Есть у нас такая поговорка в Польше: *возле богатого и бедный сыт*. Если ты говоришь о некоторых политических связях, то ты меня убедил; если насчет экономических — то нет. У нас тоже идёт процесс, когда рабочие хотят выкупить акции предприятий. За это идёт сильная борьба. В сейме и в сенате работает специальная комиссия, чтобы контролировать акционерные общества, которые создаются сейчас. Мы в нашей области, например, поддерживаем рабочих одного предприятия, чтобы там могло возникнуть подлинно акционерное общество. Это предприятие обещает стать прибыльным, так как предполагается на нём выпуск видеоприставок европейского уровня. Власти всё это долгое время блокировали. Они почувствовали, что такие предприятия угрожают их привилегиям, так как трудящиеся этого завода выкупили тридцать восемь процентов акций и потребовали своего, соответствующего этим процентам, участия в руководстве предприятием. В то время как власти соглашались только на двадцать процентов акций для рабочих, и чтобы только десять из них было представлено в управляющем совете. Это что, по-твоему, *альтернативная экономика*? Они вкладывают минимальные средства в экономику Польши. Им незачем обновлять фонды: через несколько лет они, нажившись, всё оставят и займутся чем-нибудь другим. А это предприятие будет уничтожено, истощено, его оставят рабочие.

Девяносто процентов машинного парка в Польше — декапитализировано. Например, у нас есть большой завод, кото-

рый производит электровозы для всех социалистических стран. Но они — банкроты! Никто не может купить эти электровозы. У железных дорог нет средств, чтобы их купить. Как быть рабочим этого предприятия?

Я всё это тебе говорю, чтобы ты видел, что мы тоже знаем о том пути, о котором ты говоришь.

В.П. Когда я говорю о «перекачке», то имею в виду, что этот капитал должен быть политизирован, то есть он должен сразу иметь свою политическую защиту, которую ему обеспечивают существующие политические структуры. В данном случае — профсоюз «Солидарность». Если «Солидарность» оставила эту сторону своей деятельности, увлекаясь борьбой «за власть», то произошло то, что и должно было произойти. Мы говорим: *капитал в условиях государства, не ограниченно-го нормами права, очень уязвим как со стороны государства, стремящегося его присвоить, так и со стороны дельцов, стремящихся его в короткое время раздуть и растащить*. Очень часто интересы тех и других совпадают. Появляется узаконенная, так сказать государственная, мафия.

В.Ф. Мы этим пренебрегали. Во-первых, и наше, и ваше общество слишком бедное, чтобы делать серьёзные инвестиции. Кроме того, дело не в том, что мы прозевали шанс, который нам дало государство. Просто государство обанкротилось до такой степени, что не в состоянии обеспечить привилегиями свою номенклатуру. Вот они и говорят: «Берите, пожалуйста, предприятия в аренду, развивайте кооперацию».¹³ А на деле — это легализация того, что раньше существовало в подполье. У нас теперь очень странный профсоюз. Мы должны защищать интересы трудящихся, а с другой стороны, мы сильно включились в экономическую деятельность. Мы говорим о кооперации, аренде, акциях, но рабочие на предприятиях могут от этого только потерять, многие из тех людей, которых профсоюз

должен защищать, могут вообще оказаться безработными. Поэтому мы должны быть готовы предоставить кредиты тем, кто желает вести самостоятельно свое дело.¹⁴

В.Ф. У вас существуют забастовочные фонды?

В.Ф. Забастовочные фонды в Польше всегда в подполье. Люди убеждены, что так лучше, у них имеется опыт. Многие деятели моего поколения, я уже говорил об этом, имеют свой груз, который мешает им идти вперед. Лики святых, икона Божией Матери, камеры, тюрьмы, цветы... «Директора — на тачку!» «Секретаря парткома — на тачку!» И — «Давай! Давай! Ура! Bravo!» ...Понимаешь?!

Теперь другая ситуация. Мы надеемся, что и экономическая жизнь пойдет по-другому. Это надо быстро менять. Конечно, банки и то, о чём ты говоришь, — тоже способ создавать независимую экономическую деятельность, строить гражданское общество, но гарантией независимости общества, в этом мы убедились дорогой ценой, может служить только пистолет, приставленный к виску государства. Только так его и можно принуждать. Но только чтобы крови не допустить. То есть держать так, чтобы не привело к взрыву.

Есть люди в сенате и в сейме, которые считают, что гарантией могут служить принятые ими законы. Я считаю, что гарантией может служить только общество, организованное в силу. И у нас, и у вас, в Советском Союзе, ничего не изменят ни пятьдесят, ни тысяча кооперативов.

В.П. То есть речь идет о договоре между обществом и государством, причём нет равновесия, оно отрицается, а есть пистолет у виска государства.

В.Ф. Конечно, надо развивать альтернативную экономику, банки. Мы, вероятно, в будущем сможем сотрудничать, но не надо думать, что в этом рычаг революции. Такого единственного рычага нет. Я думаю, что в главном мы согласны: надо

строить новую экономику. Входить в старый бардак — совершенно бесполезно, это ничего не изменит. Поэтому и я, и Кароль (Модзелевский) не питаем иллюзий, что Тадеуш Мазовецкий станет чудотворцем. Но мы должны принять меры, чтобы падение этого правительства не привело к еще большей апатии и разочарованию, чтобы не были уничтожены все авторитеты и чтобы не было ситуации, когда психологически «Солидарность» получит нокаут.

В.П. А ведь именно это и угрожает.

В.Ф. Да, это угрожает, и это громадная угроза.

В.П. Тебе было бы интересно побывать у нас, в СССР, но не в Москве, а в провинции. Например, на КамАЗе. Знаешь такие машины?

В.Ф. Да, мне интересно побывать у вас, но от камазов я не в восторге.

В.П. Да, я тоже.

С Владиславом Фрасынюком и Каролем Модзелевским. Вроцлав.
